

**Миссия:
Славянский ход-92.**

*«Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой...»
А.С.Пушкин.*

Путевые записки.

...В протоке Пыр-Сим наш «Омик» выглядел динозавром, вздумавшим искупаться в лужице. С обеих сторон наваливались берега. Временами судно почти останавливалось – будто невидимая рука, ухватив за корму и подержав, нехотя отпускала. Мы пошли этой протокой, желая спрямить путь до Берёзова. Однако, при ближайшем рассмотрении, она оказалась несудоходной. Назад поворачивать было поздно. На мостик поднялся о.Виктор, осмотрелся: «Не падайте, братья, духом. На все воля Божия. Идемте, сверим наши планы».

Здесь необходимо сделать некоторые пояснения:

Итак, 5 июля 1992 года, после акафиста Иисусу Сладчайшему, помолясь на дорожку, в 22:30 мы вышли из Сургута в Берёзово. Вышли несколько ранее намеченного срока во избежание излишнего шума в средствах массовой информации, что неуместно в начале любого серьезного дела.

Теплоход «ОМ», команда из четырех человек, как показало путешествие, милейшие люди.

Экспедиция наша проходит в рамках всероссийского Славянского хода. Миссия, как и год назад, смешанная – религиозно–культурная. По линии православия крещение и исполнение треб, снабжение религиозной литературой. Сургутская Свято-Никольская церковь представлена была настоятелем – о.Виктором и диаконом Василием, они трудились и путешествовали в сопровождении обеих матушек.

Меня, учителя музыки, и двух моих учеников-фольклористов Таню Корченкину и Родиона Райша, интересовали народные традиции: песни, обряды, игры. Целью нашего путешествия было обследование района от Сургута до Берёзова на предмет музыкальной этнографии. Удобство положения состояло в том, что почти все бабушки приходили к месту крещения – не ленись, записывай воспоминания далекой юности. Для тех, кто обезножел, мы делали исключение – шли к ним сами.

Фотохудожник Георгий Николаевич Корчёнкин находится в свободном поиске. Он не любит говорить о своих творческих планах. Но, спустя несколько лет, выпустит фотоальбом «Вера», куда будут включены материалы нашей экспедиции.

По пути в Берёзово во многих пунктах приставали и давали объявления, что на обратном пути вновь посетим эти села, чтобы люди были готовы.

Как показала практика, доверить информацию можно клубным работникам. Представители же местной власти в ряде случаев показали себя людьми с ограниченной ответственностью.

Прибыли, без всяких приключений, в середине ночи с 7 на 8 июля. Утром осмотрелись. За трапезой о.Виктор заметил: «Церковь здесь есть, только бывшая. Ни крестов, ни куполов».

Трудно представить будущее народа, у которого нет настоящего, а всё – бывшее. В том числе – и святых.

Церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы, построенная в конце XVIII века (1778 г.) на месте сгоревшей деревянной церкви.

Из дневника экспедиции.

Березово

Встретили нас хорошо. Крестили в здании поссовета, крещено двадцать пять человек, двое погружено. Народу могло быть и больше, но толком не успели оповестить. Вместе с юными фольклористами записали от переселенки Карповой Веры Авксентьевны рассказы о русской и зырянской свадьбе, несколько прекрасных свадебных песен. Дети сфотографировали зырянку в национальном костюме.

Через пару дней ждут прибытия в Берёзово миссии ЕХБ. Богатейшая, прекрасно организованная конфессия имеет свою резидентуру в Берёзове. Что могут противопоставить бедные православные приходы? Только Веру, да Любовь к своему народу, знание его истории. Мы другие, и имеем право такими быть. И нет необходимости это доказывать.

«...В 1727 году прибыл в ссылку в Берёзов князь А.Д. Меньшиков... Меньшиков вместо бывшей сначала приходской, а потом – до 1725 г. монастырской, ветхой деревянной церкви ... построил своим иждивением и личным участием в работах, деревянную же церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы с приделом Св. Ильи Пророка. В эту церковь князь ходил с детьми каждодневно приносить молитву Богу и исповедывать свои согрешения...

Сам Меньшиков в октябре 1729 года умер и похоронен близ алтаря построенной им церкви во имя Рождества Богородицы... На место Меньшиковых вскоре же было прислано семейство кн. Долгоруковых...Старики Долгоруковы вскоре же умерли и погребены близ Богородице-Рождественской церкви, а дети, вследствие вновь сделанного на

них в Берёзове доноса, пережили еще много несчастий. В 1742 году место Долгоруковых занял граф А.И. Остерман с супругою, но через пять лет скончался и похоронен в 22-х сажнях от церкви, построенной Меньшиковым, на могилах обоих их и до сих пор существуют высокие черные деревянные кресты, водруженные, увы, не родственною, но совершенно чуждою рукою».

С точки зрения здравого смысла Богородице-Рождественскую церковь в Березове следовало сохранить в неприкосновенности. Хотя бы как памятник истории.

С юными фольклористами мы обошли березовских бабушек. Почти все переселенки. Собрали неплохие материалы по годовичному кругу, свадьбе. К сожалению, материалов этих мало.

Шеркалы.

Прибыли 9 июля в 8 часов утра. Крестили перед зданием бывшей церкви. Сейчас в стенах церкви клуб, бильярдный стол у входа, ударная установка в алтаре; над куполом надстроен второй этаж – библиотека. Наверх ведет лестница, перила с нотным станом. Оригинально для клуба. Раньше к вершинам духовности вела Лествица, она уходила в Бесконечность. В те Небеса, которые над голубым куполом.

Потомкам осталась лестница из 12 ступенек и 7 нотных знаков. Это конец восхождения, дальше пути нет.

Спасская церковь Шеркальского погоста, заложенная в 1904 году на месте обветшалой деревянной церкви XVIII века, сохранилась только в своем основании – нижних объемах. Ее фасады отделаны в традиционном русском стиле. Украшенные сдвоенными пилястрами и неглубокими прямоугольными нишами, они выглядят спокойно и торжественно. Скромным украшением карнизов, охватывающих все здание, является распространенный в местной архитектуре мотив «сухариков». Следы на кровле четверика храма явно свидетельствуют о пятиглавом завершении.

Здесь прекрасный этнографический музей. Хантыйская экспозиция. Помог председатель сельсовета. Поселок маленький, люди в нем большие. А дело, которое они делают, - великое. Дай им, Бог, доброго здоровья.

В Шеркалах, по рассказам бабушек, утопили в 30-х священника в Оби. Просто сбросили с парохода в ледяную воду...

Крещение вылилось в светлый праздник. Зеленая травка. Солнышко, березки. Заметно, что в какой-то миг человек словно сбрасывает маску и становится самим собою. Окрещено 144 человека, погружено 8.

Параллельно трудилась этнографическая группа. Представителей местной традиции здесь, как и везде теперь, мало. От Устиньи Федоровны Антонеску, переселенки из Западной Украины, записали колядки. Бабушка волновалась и постоянно сбивалась на плач – такую бурю чувств подняли колядки детства, далекой и недоступной теперь родины.

Этих людей, много и безвинно страдавших, называют либо казенным словом спецпереселенцы, либо «колонки». В дальнейшем будем именовать их просто переселенцами. В 16 часов окончили, благословясь, отплыли.

А я, забившись в свой уголок, вновь и вновь спрашивал себя:
Как я оказался в этой своеобразной компании?

Ответить на этот непростой вопрос удовлетворительно мог бы человек, хорошо знающий мою жизнь. Но кто мог ее знать лучше меня?

И вот, укрывшись в своем уголке после вечерней молитвы, я предался воспоминаниям.

...Родился я на маленьком хуторе «Свободный пахарь» в Челябинской области, в отрогах Уральских гор. Раннее детство воспоиналось, как сплошное лучезарное утро. Крошечный домишко дедушки вмещал две семьи: жили в нем дедушка с бабушкой, мои папа с мамой и я, младенец Анатолий.

Из 12 кв.м. площади, 2,5 м. занимала русская печь. Но жизнь на оставшихся девяти квадратах не удручала – она буквально звенела от радости.

Первый ребенок в семье, первый внук, я всем был нужен, всеми любим. Но особенно близкой оказалась мне бабушка Марина. По крови мы не были с ней родственниками, но с рождения она выносила меня на руках. Поскольку своих детей у нее не было, то я оказался ее первенцем.

На четвертом году моей жизни родители переехали в райцентр Уйское. Ютились в землянке. И вот, в эту земляную нору, принесли из роддома крохотную мою сестричку Любушку.

Папа был шофером, работал, не считаясь со здоровьем, день и ночь. Уже через год мы перешли из землянки в новый, капитальный дом.

Народ наш в те послевоенные годы жил небогато. Родители людьми были не учеными. Образовательный ценз мамы составлял 4 класса, папа осилил только три. Интересно, что они были музыкально одарены и прекрасно пели дуэтом.

Развлечений в то время у народа было не много. В те редкие дни, когда папа был дома, мы выходили всей семьей и рассаживались на завалинке. Подходили соседи, просили: Коля, Прасковья, спойте!

Репертуар, состоящий из народных песен, у родителей был солидным, но особо любимыми народом были два «жестоких романса»: «Луна» и «Разбудил меня шум». В первом говорилось о некоем молодом человеке, который будучи разбойником, убил своего родного отца. Текст второго романса был безусловно авторского происхождения и повествовал о юной цыганке, которая не пережив измены возлюбленного, покончила с собою.

Я с детства отмечен был вниманием Божьим. Выражалось это внимание тем, что во всех непростых обстоятельствах, которые складывались не по моей вине, Господь всегда протягивал мне руку помощи. Но как только начинало проявляться живущее во мне беззаконие, Создатель сурово предостерегал меня, не давая беззаконию возрасти, укорениться и дать плоды. На всю жизнь запомнилось мне одно из первых проявлений моего «Я», имевшее отрицательный характер.

Дело в том, что в роду нашем – ни с папиной, ни с маминой стороны, никогда не было уголовников. И очень мудро и своевременно была пресечена моя первая попытка встать на недобрый этот путь.

Друг моих детских лет, Толя Густов жил через дорогу - напротив нашего дома. Папы у него не было. Его дедушка сделал внуку деревянную лошадку. До обеда мы по очереди катались на ней. Затем товарища позвали к столу. Я схватил лошадь, притащил ее домой и начал прятать. Мама, делая вид, что не понимает моих действий, спросила: - А что это сыночек мой делает?

- Лошадку прячу.*
- А зачем?*
- Чтобы Густик не нашел.*
- А чья это лошадка?*
- Толи Густова.*
- Он отдал ее тебе?*
- Нет, я сам ее взял.*
- Так ты ее украл?*
- Нет, просто взял.*
- Ты украл ее!*

Видя, что побудить меня к раскаянию не удастся, мама, имеющая несомненный актерский дар, закрыла лицо руками и завывала, как воют над покойником.

- Мой сынонька – вор! Он украл у друга лошадку! Вот, приедет Черный Ворон, заберет нас всех милиция, и посадят нас в тюрьму!

Перспектива оказаться в тюрьме расстроила меня. В то время живы были еще в народе воспоминания о тюрьмах и лагерях. И я, в свои 5 лет, наслушался таких леденящих душу историй достаточно.

Мама продолжала голосить. Стал и я потихоньку подвывать.

- Ты хочешь в тюрьму? – вскричала мама.

- Нет – нет, я боюсь...

- Тогда давай отнесем с тобой лошадку на место, вызовем Густика с дедушкой, ты им все расскажешь и попросишь прощения.

Я согласился. Надо заметить, что на обратном пути лошадка значительно потяжелела. Легко оказывается воровать, да трудно возвращать ворованное.

Забросив лошадку во двор друга, я пытался бежать, однако мама строго остановила мой порыв.

- Ты забыл, что обещал вызвать дедушку и Густика и сказать им всю правду?

Вызвали хозяев и мне пришлось сказать им, что я украл, назвать себя вором.

В народной нашей традиции воспитания был оказывается такой прием: через публичное покаяние, вырвать грех из своего сердца. И прием этот взят был из православной педагогики.

Благодаря этому опыту я и получил сильнейшую прививку от воровства на всю дальнейшую жизнь.

Сергино, 9 июля.

Прибыли в 19 часов. По договоренности с главой местной администрации крестины должны быть во второй половине дня. На пристани встречающих нет. Звоним в администрацию.

- Знаете, мы Вас ждали во второй половине дня. Сейчас надо где-то искать автобус. И с клубом ничего не получается, продали билеты, в 20 часов будет фильм. Что же делать?

Делать всегда нужно то, что более необходимо, и администрация сочла более необходимым показ фильма, чем крестины.

А мы отправились дальше.

Октябрьский.

Прибыли рано утром, в 9 часов были в исполкоме. Здесь нас тоже «ждали», мы сразу увязли в толще согласований. Количество облеченных властью, у кого предстояло получить разрешение на крестины, стало расти как снежный ком. Круговорот дальнейшей волокиты вынес нас на управляющего делами администрации г-на Макарова.

- Почему вы запрещаете нам проводить в клубе крестины? Видите, на улице холодно.

- Я по убеждениям атеист. И вам проведение религиозных обрядов не могу ни разрешить, ни запретить.

- «Да» или «нет» - прочее от лукавого. Скажите прямо: да или нет.

- Я не говорю ни «да», ни «нет».

Хозяин показал себя истинным ленинцем – насколько несгибаемым, настолько и лукавым.

Атеизм его анти-православен, поскольку иностранных миссионеров год назад в Октябрьском встречали с ковровыми дорожками. Таково же и окружение. Поговоришь с каждым в отдельности - хорошие, довольно милые люди. Но все вместе – клубок, система, порочный круг, разорвать который простому смертному не хватит ни сил, ни самой жизни.

Уже на пароходе, анализируя эту встречу, о.Виктор сказал: «То, что они порушили – восстанавливать не будут. Но и продолжать ломать дальше мы им не позволим!».

...Ожидавшее меня следующее детское приключение было ничем иным, как очередным предупреждением Божиим: не все из того, что нравится, можно и нужно делать.

А было так: Через село наше, а в прошлом казачью станицу Уйскую, ходил по воскресеньям на ярмарку старик – башкирин. В то время башкиры помнили еще свои национальные традиции: как в песне и танце, так и в одежде. Костюм его был таков: длинный, роскошный халат, отороченный лисьим мехом с цветным кушаком, красивые остроносые сапоги - ичиги. На голове он носил шапку-малахай, отороченую лисьим мехом. Сзади свисал с малахая на спину лисий хвост.

Естественно, что появление в селе такой экзотической фигуры для нас, детворы, не могло пройти незамеченным. Мы пристрастились дразнить этого старика и неделя от недели, выходки наши становились все более дерзкими. Встречали мы его уже в начале поселения и сопровождали до самой ярмарки, неустанно выкрикивая: *Рязай, Рязай!*

Когда старику это надоело, он внезапно резко оборачивался, делал вид, что достает из ичига нож и кричал: - *Рязай будем!*

Мы, с криками ужаса, разбегались кто куда. Интересно, что я не могу вспомнить, чтобы кто-либо из взрослых сделал нам замечание.

Но всякому беззаконию, сколь долго бы оно не длилось, когда-то приходит конец. И, поскольку я был одним из организаторов этой травли, старик, видимо, хорошо меня запомнил.

В одно из воскресений пошли мы с мамой на ярмарку. Сестричка моя восседала на руках мамы, я же держался рукой за юбку, чтобы не потеряться в толпе. Вдруг, словно клещами сзади стиснуло мою шею. Потом эти клещи медленно повернули голову мою назад и я увидел перед собой лицо этого старика, его страшные, налитые гноем глаза, услышал и крик его: - *Рязай будем!* – и надолго потерял сознание. Оказался, как говорят на Урале, пакостливым, да трусливым.

Меня принесли к жившим неподалеку родственникам, положили на теплую печку. Обморок мой перешел в сон. После все врачи, которые меня обследовали в течение года, в один голос говорили, что нельзя ни в коем случае человеку, испытавшему сильнейший стресс давать заснуть. Проснулся я уже отмеченный недугом заикания.

В те годы в городах Южного Урала трудилось немало прекрасных специалистов, среди них были добрые врачи эвакуированные из Ленинграда во время блокады. Многие прижились на Урале и не захотели возвращаться в свой родной город. Папа возил меня в Миасс, Златоуст, Верхнеуральск. Собирали консилиумы, пытались лечить, но никаких результатов лечение не давало.

Вскоре, не по своей уже вине, я испытал еще один, не менее сильный стресс и теперь уже замолчал - всерьез и надолго. В школу меня не взяли. Так прошел год, показавшийся мне бесконечным.

Профессор, который вернул мне речь, жил в двадцати метрах от нашего дома. Это была дочь репрессированного в 20-е годы диакона Давыдова – бабушка Давыдиха.

Жила она в землянке, очень нуждалась и мои родители частенько ей помогали.

Папа привез ей машину дров, сам разгрузил. Бабушка пригласила его в свою земляную норку чаю попить. Папа отказался, потому, что очень спешил. Тогда бабушка предложила:

- *Приведи мне своего сына, Коля, говорят у тебя сын калека...*

Я запомнил только последнюю встречу. В землянке сильно пахло ладаном. У бабушки в руках была темно-коричневая книжечка с тиснением креста на обложке. Она очень скоро читала молитвы. Родители говорили, что водили меня к ней несколько раз на протяжении недели. И речь возвратилась ко мне.

И вот это, поистине чудесное, исцеление от серьёзной и длительной болезни, навсегда останется загадкой не только для моих близких, но и для меня самого. Как это могло получиться, что серьёзные, знающие медики, оказались бессильны помочь моему детскому горю. Но с задачей непосильной их учености и опыту, запросто справилась полуграмотная сельская старушка, живущая в вопиющей нищете.

Большой камень.

Прибыли 10 июля в 12 часов дня. Недалеко от причала в Оби действительно лежит огромный камень, невесть какими судьбами сюда заброшенный. Селение бедное и забытое. К нашему приезду закончилось собрание, где совхоз преобразовывали в колхоз. Ясно одно: зарплату больше платить не будут. Практически же выплат нет с февраля. Говорят, что не дают даже пособие на детей и не на что купить хлеба. Матушка Людмила заметила, что, по сравнению с прошлым годом, люди обозлены и во всем разуверились. Местные руководители уверены, что все происходящее сегодня – это мистификация, эксперимент на живых людях в масштабе всей страны.

Погода стояла слякотная, поэтому крестили в клубе. Окрещено 22 человека, погружено 10.

Клуб на окраине села, дальше живет Петров, еще дальше – кладбище. Клуб в народе называют «Петровка-38», в центре поселка есть хорошее пустующее здание, но под клуб его не отдают.

Неподалеку – заброшенный концлагерь. Жив еще самоохранник. Строили дорогу на Салехард. По словам очевидцев погибли тысячи людей. Но во имя чего? Если во имя дороги – то где эта дорога; во имя идеи – то где идея?

Лагерь назывались исправительно-трудовыми и преследовали цель путем упорного труда избавить человека от иллюзий прошлого: морали, совести, патриотизма. И добивались цели, заменив «пережитки» единой моралью: физиологического выживания любыми средствами.

Закон Божий повелевает воздвигать церкви. Закон биологический – концлагерь. Господь не отнимал у чад своих свободы воли, и мы, отринув тысячелетнее установление предков, выбрали второй закон – закон выживания. Что же сетовать, коль скорбен путь.

Здесь, как и везде по селам в низовьях Оби, много переселенцев. Кузовникова Елизавета Кузьмовна, уроженка Алапаевска, рассказывает: «Когда выселяли, то забрали все. Сказали, что на новом месте дадут. Всю скотину забрали. Обманули, конечно, не дали ничего. Заново пришлось начинать жить. В 1933 году здесь был страшный голод, грибы ели, что на навозе растут, всё ели... Тятю голодом уморили. Чё пережито, дак, не одну книгу можно написать доброму человеку...». Таких свидетельств сотни. Старики рассказывают такое, что ноги к полу примерзают от ужаса: по сравнению с этими историями «Блокадная книга» А.Адамовича покажется рождественской сказкой для малышей. А книг о страшных событиях 20-50-х годов все нет и нет. Видно, добрых людей поубавилось.

Пенсионер Карл Давидович – немец. Выселен из Поволжья.

«В Поволжье жили мы крепко. Когда выселяли – то переписали все имущество, всю скотину и обещали вернуть здесь. И ничего не вернули». В избышке, которую хозяин называет «фазендой», собака и кошка. Узловатые, раздавленные работой, руки.

О.Виктор, немец по национальности, обратился к нему на немецком, чем привел в страшное замешательство. Карл Давидович объяснил, что много лет не слышал родной речи. Даже с женой боялись говорить по-немецки при детях, которые могли назвать родителей фашистами.

Обследовали поселок, но записей фольклора сделать не удалось.

Красноленинск (Урманский).

Прибыли в 8 часов 11 июля. Поселок на красивом месте, но неухожен. Организован в 30-е годы. Здесь, так же как и в Большом камне, клуб на окраине села и заброшенный концлагерь неподалеку. Были крестины, окрестили 64 человека, погрузили 7, потом водосвятие. Крестили здесь, как и всюду, во Славу Божию, людям нечем платить. Здесь всё было блестяще организовано заведующем клубом Олегом. Заранее оповещены по радио все жители.

От переселенки из Свердловской области Устины Григорьевны Николаевой записали «луговские» песни. Материал замечательный, песни редкой красоты. Не о подобных ли песнях сказано: «генотип славянского духа и поведения». К сожалению, бабушка только поднялась после тяжелой болезни, быстро устает и общение было недолгим. В 16.00 отправились в путь.

А я вновь отдался воле своей памяти.

Приближалось время проверки прочности того нравственного фундамента, который заложен был во мне близкими, во время лучезарного детства. У меня тоже обнаружился музыкальный слух и папа отдал меня в учение местному баянисту Шишлонову. Дело пошло хорошо и, через полгода, на районном конкурсе гармонистов я, неожиданно, оказался победителем. Необходимо было продолжать образование, но музыкальной школы в селе не было.

К этому времени, не по вине отца, распалась наша семья. Поэтому, папа отвёз меня в город Магнитогорск, где я и был принят в музыкальную школу. Магнитогорск находился от нашего села всего в 180 километрах. Но по тому времени расстояние это было нешуточным. Сообщение, в основном, было воздушное. Папа мог меня навещать всего раз в полгода. Таким образом, свой десятый день рождения я встречал в кругу чужих людей.

Жизнь в общем-то была сносной, хозяева неплохие, но я очень тосковал по своей сестричке – Любушке. И, вспоминая её, пролил немало горьких слёз.

К счастью, учение в двух школах требовало времени и скучать было просто некогда.

С благодарностью вспоминаю школьную учительницу Марию Харламбиевну. Она взялась опекать меня. Узнав, что люблю читать, познакомилась с библиотекарем, частенько помогала мне готовить уроки.

Господь дал мне и прекрасного учителя по специальности, Евгения Андреевича Кудинова. За год мы с ним, играючи, прошли хрестоматии за 4

класса музыкальной школы. В одном классе со мной был и знаменитый в будущем Фридрих Липс. Он имел счастье учиться у Евгения Андреевича и в школе, и в музыкальном училище. Впоследствии стал победителем международного конкурса исполнителей в Клингентале, в Германии.

Я быстро сошёлся с дворовыми ребятами, но особенная дружба завязалась с девочкой, моложе меня на год, Юлей Гуляевой. У неё не было мамы. Может поэтому в её глазах всегда таилась грустинка. Иногда в выходные она приглашала меня домой. В их квартире была удивительная чистота и огромная библиотека, которая занимала целую комнату.

Таков был первый мой год в людях. Одиночество с той поры неоднократно сопровождало меня по жизни. И я пришёл к грустному выводу: это испытание тем тяжелее, чем меньше человек, на долю которого оно выпало.

В следующем году папа перевёл меня в музыкальную школу г. Миасса. расстояние до дома родителей здесь было вдвое меньше, и мы с папой частенько виделись.

Но здесь ожидали новые испытания. Первоначально поселили меня в доме Володиных, дальних знакомых моего дедушки Григория. Семья жила в большом двухэтажном доме. Обе школы находились рядом. Мне выделили отдельную комнату и ничем не обижали. Живи, учись и радуйся.

Тем временем выпал первый снег. Мы, детвора, с помощью взрослых сразу же соорудили снежную горку. Вот только санки в доме Володиных были одни. Хозяйская дочь, младше меня на два года, начала кататься. На мои просьбы дать прокатиться хоть разок, отвечала: «Вот прокачусь ещё раз, а потом твоя очередь». И так многократно. Тут вышла из дома хозяйка и напомнила, что мне пора собираться в школу.

С поникшей головой вошёл я во двор. Но следом вошла и хозяйская дочь с санками. Я ещё раз попросил её дать мне прокатиться, но она вновь ответила «Вот ещё раз прокачусь...». В возмущении я сильно толкнул её в грудь. Девочка зацепилась за ограждение окна полуподвала и стремглав полетела в глубокую яму. Затем страшный стук и крики: «Убил, убил!!!» - кричала и била в стекло мать девочки, которая всё видела через окно. Девочка лежала неподвижно. Я бросился бежать. Страшная мысль о том, что я убийца, гнала меня вперёд в малознакомом городе.

Не знаю как, но к вечеру оказался на окраине, где обычно собирался народ, желающий выехать в наш район. Мне повезло, и вскоре я уже был в кабине бензовоза, водитель которого хорошо знал моего папу. Ближе к ночи я был уже дома. Рассказал родителям всю правду. Они покормили меня и уложили спать. Рано утром мы с папой выехали обратно.

Вскоре увидели огромное облако пыли. Исходило оно от грузовика, несущегося навстречу. Дороги тогда были грунтовыми. Выбоину сменяла ухаба, а ухабу выбоина. И грузовик, несущийся по бесконечным колдобинам со скоростью 40 километров в час, воспринимался точно так же, как ныне «Летающая Тарелка».

Оказалось, что это хозяин квартиры, где я совершил первое в своей жизни, и такое страшное преступление. Я готов был ко всему. Но хозяин,

увидев меня живым и невредимым, буквально разрыдался от радости. Оказывается, девочка Аля, которую я свалил вниз головой в яму, отделалась лёгкими ушибами. Родители её бросились меня искать. Когда стемнело, обратились в милицию. Ночь провели в тревоге, а утром хозяин поехал в наше село.

И, пережив по моей вине тяжёлые испытания, хозяева, тем не менее, готовы были взять меня обратно. Однако я проявил характер, и заявил, что если папа возвратит меня в этот дом, то я сбегу, так что ни близкие, ни дальние уже никогда не смогут меня найти.

Как показала жизнь, эта непреклонная позиция обоилась мне очень дорого.

Меня поместили на новую квартиру. Здесь и закончился период, называемый детством, и начался новый, которому более подошло бы Горьковское определение «В людях». Там я и познал всё, что именуется «свинцовыми мерзостями» русской жизни.

Как ни удивительно, но я, пройдя эту непростую школу жизни, не стал алкоголиком или преступником. Получил, со временем, хорошее образование, обрёл достойную профессию. Более всего благодарен я Господу за то, что он дал мне прекрасных воспитателей в лице дедушки Гриши и бабушки Марины. Думаю, что они мне не дали пропасть. Редкостным человеком был и мой папа, Николай Григорьевич. Часто мы были с ним удалены друг от друга за сотни километров, но я всегда слышал биение его любящего сердца.

За зиму, проведённую среди пьянства, насилия и жестокости, моё сердце выстывало почти до предела. В родительском доме обстановка редко бывала спокойной. И я, взяв котомочку на плечо, отправлялся к старикам. Они за лето отогревали меня, давали силы бороться за жизнь, за право называться человеком.

А сколько достойных, цельных и нравственных людей встретилось на моём жизненном пути!

Кедровый.

Прибыли 11 июля в 19 часов. Поселок красивый и ухоженный, улицы мощены кедровым лафетом, красивая, живописная местность. На пристань набегали мальчишки. Тут же о.Виктор их крестил в количестве 10 человек. О.Василий погрузал с дебаркадера в Обь.

Бесшабашные вначале, после купели и миропомазания отроки присмирели изменились на глазах. Особенно Рома и хакасец Павел. Очень одухотворенные лица.

Вечером отслужили Всенощную, а утром Праздничную Божественную литургию, все верующие причастились Св.Христовых Таин. Батюшка ввел во храм матросика Андриюшу, практиканта с нашего корабля. Он неподдельно взволнован, передалось и нам, а матушки даже всплакнули.

Жители поселка утверждают, что впервые за всю историю увидели на его улицах священника. Заведующая клубом Татьяна Фоминична, увидев о.Виктора в полном облачении, обмерла. В 10 часов утра 12 июля, в день

Св. апп. Петра и Павла, на площадке позади клуба начались крестины. Окрещено 106 человек. Потом отслужили водосвятный молебен и панихиду.

Здесь та же беда, что и во всех сёлах: отсутствие наличных денег. И хотя наш сургутский приход, в связи со строительством храма, крайне стеснен в средствах, о. Виктор сознательно жертвует материальным ради духовного.

В оповещении жителей и проведении крестин помогла зав. клубом Татьяна Фоминична.

В 16 часов отчалили вверх по течению Оби.

Прииртышское.

Причалили около 23 часов. Тишина, белая ночь. Подошла группа молодежи, с ними зав. клубом. Все трезвые. Разговорились. Пригласили нас в клуб, прекратили дискотеку. Степенные, здравомыслящие люди. Вот таких бы в Думу!

Утром батюшка окрестил в Оби 60 человек, одного погрузил.

Здесь дети записали заговоры от Игнатовой Антонины Михайловны. Какая-то помесь языческих заклинаний и молитв. Близкий вариант приводила известная сказительница из-под Тобольска А.Ф. Ушарова. Она была уверена, что это молитвы и удивлялась тому, что они «не помогают».

Ближе к обеду отплыли вверх по Оби.

...Годы скитаний завершились для меня знакомством, в двадцатисемилетнем возрасте, с будущей супругой – Людмилой. И всё вдруг стало налаживаться, всё упорядочилось в моей жизни.

Но подходило время следующего витка испытаний. Тяжко заболели мои родители. Они давно уже не были мужем и женой, но для нас, детей оставались папой и мамой. Ушли из жизни они в течение года. Мама была первой, папа оказался последним. А между ними мы совершили погребение ещё семи человек – достаточно близких. Всего за тринадцать месяцев из нашего рода вынесено было девять гробов. Я до сих пор помню вот это страшное ощущение, что тризна эта бесконечна, что будет и десятый, а возможно, и двадцатый гроб...

Обнаружились признаки онкозаболевания и у меня. Скорее всего, это был результат потрясений. И вот тогда я впервые задал себе вопрос: «Кто я? Если завтра я уйду – то зачем я жил? Если ради того, чтобы дать потомство – то чем я отличаюсь от шимпанзе, комара или жирафа? В чём смысл и цель жизни человека?».

Вопрос оказался непростым. И самое удивительное, что вся наша система образования, как общего, так и специального, не только не давала на него ответ, но даже не научала его постановке.

Мне пришлось на время оставить свою профессию. Сцена не любит скорби, а губы не растягивались в улыбку. Я перешёл на автопредприятие ночным дежурным. Ночью не спалось. И вот, оставаясь один в цехе, где было несколько десятков единиц крупногабаритного автотранспорта, я начал читать. Перечёл всю философскую литературу, которая была в то время

доступна, включая марксистко-ленинскую маразматику. И пришёл в совершенное недоумение. Вопрос о смысле жизни человека либо вообще не поднимался философами, либо за пышными словесными драпировками скрывалось крайнее убожество мысли. И тут вспомнилось, что в годы странствий, в 17-летнем возрасте жил я некоторое время у верующей женщины Марии Дмитриевны Грузиновой. И она давала мне почитать Библию. Вспомнил какое потрясение испытал уже от первых строк Писания: «Вначале сотворил Бог Небо и Землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою».

Стал я искать Библию. Но в то время, в конце 80-х, приобрести её было не так просто.

Это теперь, спустя более тридцати лет, я понимаю, что всё случившееся тогда было проявлением закономерности. И разве не о моей судьбе говорит Псалмопевец: «Объяша мя болезни смертныя, беды адовы обретоша мя, скорбь и болезнь обретох, и имя Господне призвах».

А тогда, не имея ещё религиозного сознания, действовал я интуитивно. И тут забрезжил свет надежды: в нашем городе открылся православный приход. Стали говорить, что священник – человек неординарный, обладает редким проповедническим даром.

Я относился к этим разговорам несколько скептически. Ведь как учили нас при Советах?

- Поп должен быть жирным, глупым и ленивым, завистливым, хитрым и жадным.

- Поп любит блин, да ещё не один.

- У попа глаза завидующие, а руки загребущие.

Словом, в то время я являлся живым воплощением мысли о том, что предубеждение гораздо более удаляет от истины, чем полное незнание.

Увидев этого, нового для нашего города человека, я внутренне усмехнулся: батюшка действительно оказался очень полным. Уже позже я узнал, что полнота была следствием серьезного заболевания. И это было единственным сходством с коммунистическим стереотипом. На одном из городских мероприятий священнику предоставили слово. Говорил он, в отличие от большинства ораторов, без бумажки. Сказал очень кратко и просто, но при этом сильно, убеждённо и памятно. Оказалось, что он депутат горсовета, член комиссии по культуре.

На одном из заседаний комиссии мы познакомились, и я попросил помочь мне приобрести Библию.

- Для чего вам нужна Библия? - спросил он.

- Хочу понять, в чём смысл и цель жизни человека - ответил я.

- Вы человек вдумчивый и серьёзный. При чтении Священного Писания у вас неизбежно возникнут вопросы, много вопросов. И вы можете дать на них неправильные ответы. Я бы вам посоветовал начать чтение с Толковой Библии, - продолжил батюшка.

- Согласен, но где её можно взять? – поинтересовался я.

- На следующее заседание комиссии я вам её принесу! – ответил священник.

Так в нашем доме появилась главная для каждого христианина книга. Я бесконечно благодарен батюшке Виктору за этот совет. Действительно движение в малоизвестном направлении – а именно так можно назвать действия человека, только ищущего тропу, ведущую к Создателю – движение это лучше сверять по вехам, оставленным прошедшими этот путь раннее.

Вскоре эта книга стала основным чтением для всех членов нашей семьи. Читали внимательно, удивляясь и наслаждаясь поистине неизреченной мудрости Божией.

И незаметно для самих себя, просто и естественно, вошли в храм Божий.

Вскоре я уже шел на клиросе, преподавая в Воскресной школе Закон Божий и отвечал за освещение жизни Сургутского прихода Святителя Николая в средствах массовой информации.

И вот – Славянский ход.

Нялино.

Прибыли в 21 час 13 июля. Красивый таежный поселок, рядом кедровый бор. В начале лета здесь все утопает в черемухе.

По рассказам местных жителей сюда, в 30-х годах, высадили несколько тысяч спецпереселенцев. Были только юрты, местные помогали, но зиму пережили не все, дети и старики к весне погибли. Летом начали отстраиваться.

Крестины и водосвятие были на другой день около школы, на открытой площадке. Окрестили 36 человек. Местные власти встретили нас тепло. От прекрасной исполнительницы Таисии Ильиничны Лютиковой записали хорошие песни: круговые, игровые, свадебные, детские. Всю жизнь хранила бабушка это великое богатство не востребуемым. Она одна из тех, благодаря кому мы, бездумно рассыпавшие ворохами, имеем возможность хоть по крохам, да собирать.

Житель Нялино Александр Михайлович Змановский предоставил текст купчей крепости – памятник словесности XVIII века:

«Мы остяки Конец и Неуль заняли есми у ямских охотников Андрея да Зиновия детей Поджигановых денег 5 рублей московских, ходячих, прямых без приписи вплоть до сроку, до Масленой недели. А заняли мы эти деньги не для злого умысла, а для уплаты Государева ясаку...и детей наших в голодное время. И заложили мы под эти деньги наш остров Сосновый на верхнем устье протоки Неулевой вверх едучи на левой руке. А буде если мы эти деньги не вернем то им Андрею и Зиновию вольно тем островом владети и домами ставиться скотину пушать и всеми курейными и перевесными местами владети.

За неграмотных остяков подписал гулящий человек сын Назымко Ивашко Погадаев.

Подпись удостоверяет надсмотрщик Антон Ермаков».

Лета 7628г. (1727г. от РХ).

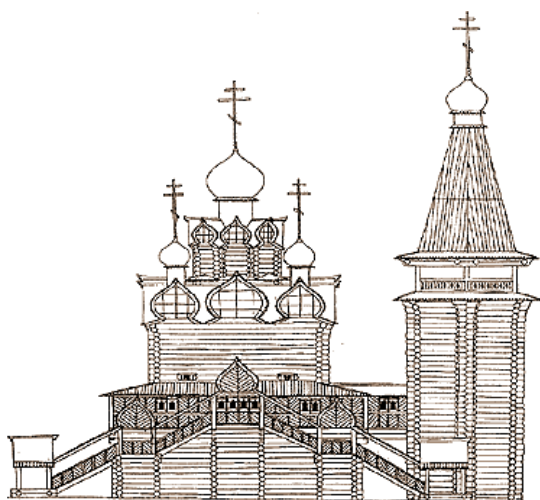
Вот так. Кратко, живо и ясно. Как изумительно владели предки наши «русским, пушкинским, певучим», и как оскудели мы!

Под крылом белой лебеди – Тобольской Софии – стояли мы с резчиком нашего Сургутского храма, самородным русским человеком, Владимиром Ивановичем Ванюковым.

Вижу, на глазах у него слезы:

- Вот, какое диво, София. Красиво, просто, стоит века. А сотворил кто? Каменных дел подмастерье Герасим Шарыпин. Таких шедевров тысячи на Руси, и что ни автор, то – подмастерье. Кто же мы тогда?

Да, строги были ушедшие в самооценке. Никто не брал на плечи чужой крест. Зато с каким трепетом несли свой!

Тобольск. Собор Софии Премудрости Слова Божия

Селиярово.

Клуб в бывшей церкви. На последнем венце сруба дата: 1857 год. Говорят, до креста было более 30 метров. Комсомольская ячейка начала свою деятельность с разрушения кулацких памятников на кладбище. А мы ломаем головы: откуда у современной молодежи вандализм?

В мятеж 1921 года в Зенково, в Оби топили коммунистов. Потом прибыл отряд красных карателей из Томска. В числе расстрелянных повстанцев было несколько Собольниковых. Это старожильческая фамилия. Сейчас старожил, как и везде, почти не осталось.

Рассказывает Владимир Павлович Сумкин: «Вокруг нашего Селиярово было восемь деревень, почти все старинные: юрты Балинские, Чебыково, Гладково, Долгое Плесо, Сивохребет, Алехино, Елоково, Сигинчум. Невдалеке – остров Монастырский, там был стражейой песок, монахи рыбачили.

Сейчас только Селиярово осталось, да сезонники в Долгоплёсове».

А вот свидетельство Александра Михайловича Змановского из деревни Нялино: «Конёво, Сумкино, Зеньково, Шаша, Скрипуново – это все деревни Самарского Яма. Потом Белогорье, Елизарово, Реполово, Тюли, Базьяны – тоже большое торговое село числилось».

Сейчас эти деревни либо исчезли с лица земли, либо тихо доживают при последних стариках свой век.

Где же население, эти деревни составляющее? Частью погибло на фронтах. Мы много воевали в этом веке. Вот и в Великой Отечественной сибиряки бились храбро и честно. Оттого столь велик в каждой деревне скорбный список павших. После отмены «крепостного права», в 1950-х, молодежь бросилась в города. В огромной массе пришлого населения сибирские фамилии просто растворились. Редко услышишь о Коневых, Сумкиных, Змановских, Звягиных, Скрипуновых.

В.П. Сумкин: «Фамилии старожильческие у нас были Сумкины, Горшковы, Чернобривцевы, Собольниковы, Солтагановы. Сейчас остались Горшковы, один Солтаганов, один Сумкин».

Попробуем обобщить.

Старожильческое население в Обско-Иртышском междуречье сильно поредело, а по нижнему течению Оби старожилов можно счесть по пальцам. Основную массу сегодня составляют спецпереселенцы советского периода с Урала, Поволжья, Украины. В отличие от царского правительства, которое придерживалось политики заселения Сибири компактными этническими группами, Советы действовали по принципу библейского Вавилоня. В условиях смешения языков и обычаев традиционный уклад жизни, как правило, быстро теряется.

Население обследованных сел почти сплошь состоит из перемещенных лиц. Изжеванные и выплюнутые системой старики влачат нищенское существование, умудряясь при этом сохранять простоту и достойное спокойствие духа. Молодежь, видя перед собой такую перспективу, о работе не хочет и слышать. Учиться негде. Стоит ли удивляться тому, что судимость – почти необходимое условие жизни едва ли не каждого молодого человека.

История же спецпереселенцев ждет своих объективных исследователей. От себя могу добавить, что это - история человеческого горя.

В результате демократических процессов к власти на местах пришли новые люди. Многие искренне хотят перемен. Удастся ли это? Вопрос вопросов: что делать с молодежью? Сложился духовный вакуум, заполнить который православие на сегодня не сумело.

Путешествие наше близилось к концу. Фольклорное обследование принесло результат – около трех часов аудиозаписей: песни, обряды, присловья. Результат довольно скромный. Причин, на мой взгляд, две.

Во-первых, мы посетили не землепашеские, а промысловые (рыба, пушнина, лес) районы, которые не блистали самобытностью и до «переломов». Это о них исследователь П.А. Словцов говорит: «Сибирь не имеет собственных ни песен, ни голосов и ...ей очень кстати название «безголосой».

Во-вторых, политика власть предержащих состояла именно в уничтожении личности, стирании граней. Народная культура явно не преследовалась, но в детсаду, школе, на предприятии долгие десятилетия высмеивалась, как пережиток. Выросли целые поколения, отравленные ядом

подобного нигилизма. Им, этим поколениям, предстояло нести зажженный предками свет дальше. Что нести?

- Бабушкины сказки, бабушкины песни. Но ведь именно это выражение «бабушкины сказки», да еще исполненное величайшего сарказма, слышали мы из уст школьного учителя. Пушкинскую мудрость «Что за прелесть эти сказки» мы поняли лишь тогда, когда сами стали родителями. И, как всегда, было поздно что-либо поправить: нелегкий крест хранителей традиций был нашим поколением уже брошен. Поэтому, если где что и сохранилось, то не благодаря культурной политике властей, а вопреки ей.

Результат? В числе прочих утеряна и культура досуга. Посмотрите, как мы уныло, устало, обреченно отдыхаем. Чаепитие (с водочкой), суесловие, срамословие, мордобитие – слова сложные, а понятия простые. Ни себя показать, ни людей посмотреть. Вот они где вылазят бабушкины сказки да детские игры. Предыдущие поколения справедливо сетовали, что не было досуга. Да, воевали. Били своих, потом чужих, потом вновь своих. Но вот, с 60-х замирились вроде, а отдыхать без надрыва, без ожесточения уже не можем.

Мне возразят: а вот Америка – она не знает народных традиций, а живет припеваючи!

Да, материальный достаток имеет там каждый, но имя есть далеко не у всех. Говорят, что даже потребности в общении человек там не испытывает. Крохотная Япония отнимает у Америки одну позицию за другой. Секрет в том, что, взяв на вооружение достижения науки и техники, эта страна сохранила многовековую культуру, лицо и душу своего народа.

Некоторые выводы о состоянии православной веры.

Священники в Приобских селах редкие гости. А в некоторых (Большой Камень, Кедровый) на памяти жителей не бывали никогда. Церкви советская власть не возводила. Обезглавленные, стоят они ныне скорбным упоминанием об утраченной вере. Наиболее распространенное применение храму – клуб: Скрипуново, Зеньково, Тундрино, Шеркалы. Был клуб и в Троицком, потом здание сгорело. В Берёзово, Октябрьском – радиоузлы. Если строение совсем уже ветхое, то его, как это сделали в Нялино, просто заколачивают. Из десятков сохранившихся на сегодня зданий ни одно не используется по назначению. Клуб, АТС, мастерские, все, что угодно, только не храм Божий.

В то же время в Берёзово, Сергино, Октябрьском открыты молельные дома Евангельских христиан – баптистов. Простой люд не задумывается откуда, из каких источников черпает эта конфессия огромные средства в такое нелегкое для нашей страны время.

А власти упомянутых поселков отдают явное предпочтение заморским гостям, памятуя, видимо, о том, что нет пророка в своем отечестве.

Здесь дневниковые записи прерываются, кончается и наше путешествие...

2 часа ночи 15 июля 1992г.

Об этнографической составляющей

Начало заселения Тюменско-Тобольского района до Тары относится к 1583 году. Важнейшим центром русской колонизации Сибири, одним из форпостов русского оседлого населения являлся Тобольск. Почему мы говорим об оседлом населении? Потому, что история русской песни Сибири начинается не с отрядов «охотников», не с торгового и военного сословия, но с массовой крестьянской колонизации.

Свое происхождение переселенцы раннего периода сибирской истории ведут от районов русского европейского Севера. Крестьяне Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Пермской и Вятской губерний принесли с собой и культурную традицию. Основные признаки стиля и своеобразия системы фольклорных традиций Сибири сложились при определяющей роли севернорусской традиции у старожилов уже к началу XIX века.

Сибирь заселялась поэтапно как по этносоставу, так и по времени. Это не единый равномерный и плановый процесс. Отсюда противоречивость и пестрота традиций. Особенно это заметно в районах позднего заселения и в выросших на нефтяных дрожжах городах. Селились хотя и компактно, но пестро и разновременно, поэтому единого комплекса сибирской культуры не получилось. В компактных же поселениях локальные стили вполне сформировались в единую систему фольклорных традиций Сибири.

Вот мы и подошли вплотную к разделу крестьянской песни.

Русская крестьянская песня исполнялась коллективом. В то же время творчество это сугубо индивидуальное. Коллектив – генератор идеи, а ее развитие, импровизация – удел личности.

Коллективизации сознания русская песня не вынесла и, как свеча без воздуха, стала угасать. «Нам песня строить и жить помогает». Какая замечательная, точная, надвременная мысль! Действительно, с песней на Руси и строили, и жили. И уходили в Вечность со смирением и достоинством, не хлопая на прощанье дверью. И тоже с песней. Русская песня врачует душу. Как пение, так и слушание можно назвать делом душеполезным. Это лекарство, но лекарство для внутреннего потребления, и большую ошибку совершают те, которые видят только внешнюю сторону. Смысл народного искусства заключается в воспитании. Развлекательная функция его – явление побочное, следственное, а не причинное.

Поэтому так трудно, так болезненно идёт процесс приживания народной песни на сцене. Сцена ориентирована на развлечение зрителя. Ей нужно что-то броское, неглубокое и обязательно кассовое. Серьезное искусство, будь оно светским, духовным или народным, отвечает другим требованиям.

Нашей крестьянской песне по напевности, пожалуй, и равных нет. А вот язык русский, оказывается, вовсе не певучий – согласные подавляют своим количеством и трудностью произношения, одни шипящие да свистящие чего стоят! Вновь противоречие, на этот раз слова и мелодии. Как оно разрешается?

С согласными наши предки поступали оригинально: в распевах, словообрывах, огласовках и междометиях они исчезли, растворились. Широта

души русской, как в зеркале, отражается в песне. Фраза не укладывается в прокрустово ложе классического метро-ритма, она ассиметрична. Поэтому и не имеет точек соприкосновения с упрощенной до примитива музыкальной декламацией современной песни. Но народ так чутко слышит свою песню, так ловко расправляет эти складки на музыкальной ткани, что заметить их можно разве что в нотной записи.

Еще один, очень интересный момент. Язык музыки говорит об одном, а слово – о другом состоянии. В то же время, песня воспринимается вполне органично. И какая при этом открывается многоплановость, какая глубина!

Песни, за исключением плясовых, пелись а´capella. Многие наши современники считают, что делалось это вынужденно: будь на вечёрке дядя Вася с гармошкой – и под гармошку пели бы за милую душу!

Нет, не так. В силу особенностей строя гармошка ограничена в своих возможностях. Может, баян? Но это инструмент 20-го столетия. Кроме того, темперированный. А настоящий народный хор поёт в зоне свободных частот, певцы подчёркивают тяготения, создавая непередаваемую словами красоту звучания.

Даже сильные академические коллективы чувствуют себя в пении без сопровождения «не в своей тарелке». Строй валится, как только убирается подпорка в виде музыкального инструмента. Послушайте, для сравнения, запись деревенского фольклорного ансамбля. Бабушки никогда не «сползают». Иногда, если неловко начнет запевала – повысят или опустят строй. Голосовой аппарат народного певца работает в естественном, удобном, близком к речевому режиму.

В Тюменской области кондовые деревенские старики говорят на особицу, наречие северо-западных губерний России сказывается до сих пор.

Сибирские говоры вторичны, потому что коренное население было не русское: на севере – ненцы, ханты, манси, селькупы, на юге – татары.

Русские первопоселенцы были выходцами северных земель Европейской части России. Известный историк Афанасий Матвеевич Селищев доказывает северное происхождение первопоселенцев фамилиями: Новгородовы, Новгородцевы, Вологодские, Пермитины, Мезенцевы. Особенности говоров отражаются в фонетике. Это оканье – хорошО, молокоО, зОлото; ёканье – полЁ, морЁ, горЁ, еканье – мЕкина, пЕтак. Ассимиляция сочетаний «дн» и «бм» – оннако, омманывать; упрощение конечных сочетаний согласных – мос(т), хвос(т), жись (жизнь).

Сказываются особенные северные приметы и в морфологии. Творительный падеж множественного числа зачастую имеет окончание -ам: рукам, ногам; особенность эта распространяется и на местоимения – этима, травама. Характерно для Сибири стяжание глаголов: «ашь» вместо «аешь» (делаешь – делаешь), «ат» вместо «ает» (бегат – бегаёт).

Отдельные говоры имеют отличительные черты. В языке жителей деревень Михайлово, Македоново, Ларионово, Зольниково, что под Тобольском, мы услышим следы мягкого цоканья новгородцев. То есть, аффрикаты на своём месте, но их не две, как в литературном произношении, а только одна – ц мягкое: матица, зубцики, цяй, цюлоцьки. Эта черта сохранилась до сих пор, но не в чистом, а в упрощенном виде.

В слитных по происхождению аффрикатах затвор исчезает, из двух звуков получается один – от ц остаётся с – сарь, улиса, куриса, а от ч сохраняется ш мягкое – решька, пешька, старишэк, это повсеместно встречается не только в Тобольском районе, но и в других местах Тюменской области.

Аффрикаты упрощаются, скорее всего, от близкого соседства с тюркоязычными и народами финно-угорской группы.

Лаптей Сибирь не знала. Летом ребяташки бегали гологоловые. Конечно, в церкви девочка стояла с покрытой платком головой. Кокошник – головной убор замужней женщины – мог оказаться на голове девочки только в качестве нелепой шутки.

Свои художественные таланты сибирские крестьянки материализовали в вышивке. Она символична. Символичен и узор – в нашей области это был узор геометрический – свидетельство влияния тюркской и угро-финской культур. Это моменты характерные. В более поздний период могли быть в узоре и растительные мотивы – традиция южных губерний России.

Помню, привезли на фольклорный фестиваль в Новосибирск детей. На моей дочке мастерски вышитая женою рубаха. Подходит мужчина, внимательно всматривается в орнамент и говорит:

- Носить такой узор девочке нельзя, можно только замужней женщине. Это изображение лягушки и символизирует роженицу.

Девушке на выданье полагалось иметь не менее двадцати поясов и к каждому – отдельный костюм. В моде были пояса тканые. Характерно изображение свастики – солярного знака, древнеарийского символа бесконечности жизни.

Для чего я об этом пишу? Ведь понятия все популярные. Да, популярные, но не все с ними знакомы. Мало знаем, понимаем еще меньше. Вообще, если говорить о народной культуре, то все мы – дети пробырки, выросшие в искусственной, оторванной от корней среде. Знание наше носит характер эклектический. Нет первоосновы, чувства, что это своё, родное. И мозаика никак не складывается в общую картину. Доходит до курьёзов. Приходит коллега:

- Давайте сделаем русскую программу для поездки за границу.
- Шоу а ля рюс?
- Нет, подлинную, фольклорную.

И начинается: на сцену выбегают мальчики в лаптях, в картузах с цветочками, играют на дудках, потом идут впрысдку под «Калинку». Появляются девочки: в кокошниках, коротких платьицах и красных сапогах, на плечах коромысла. Поют:

Пошла млада за водой

Коромысел дубовой...

- А почему именно «Калинка», почему «коромысел дубовой»?
- За границей больше ничего не знают и знать не хотят. Стереотип там такой сложился: «рашен-деревяшен».

- А что, если не спешить, сделать хорошую программу сибирских круговых песен...

- Никто эти песни слушать не будет. Уже пробовали. Не нужны заграничной публике наши необработанные самоцветы – ей пластмассовый бриллиант дорог: два притопа, три прихлопа. Они с одной мыслью идут на представление: все большевики играют на балалайках. Потрафишь такому заказчику – видеодвойку привезешь. Не угодишь – в следующий сезон не пригласят.

Вот так, в рабской позе стоим перед Западом, что перед Западом – перед Африкой в глубоком поклоне: чего изволите-с?

В нелепом нищенском рубище выставляем на позор культуру великого народа. Съездит такой «просветитель», отгастролирует, привезет видеодвойку. А по главной дисциплине – русской культуре – за граница поставит нам жирную единицу.

О годах гонений.

Вот материал из местной газеты, подписанный «Леший»: «Задумали мы в клубе антирелигиозную пропаганду провести, попа пригласили. Хотим, мол, покалякать о Боге, об Адаме и о всем причём, выставляем докладчика. Заморщился, поп, с лица изменился: «Не могу, не буду, ни-ни!...». Трухнул поп порядком, и с тех пор его нигде не видно».

Вспоминается «Крестный ход на Пасху» А.И.Солженицына. Уж не этих ли леших он видел? Не они ли потрясли писателя своим цинизмом?

В это время на родине первого космонавта происходило следующее: «Несколько беспартийных крестьян Унженского уезда Смоленской губернии обратилась в волисполком с просьбой отвести участок земли под кладбище безбожников. Крестьяне мотивировали свое ходатайство тем, что они не хотят хоронить своих единомышленников на церковном кладбище».

Свобода жить без креста обернулась свободой покоиться под фанерной звездой.

Единомышленники нашлись и в далекой Сибири; притом, мыслили и действовали они весьма радикально. Например, комсомольская ячейка села Селярово, как уже говорилось, начала свою деятельность с разрушения кулацких памятников на кладбище. Обоснование подобных действий можно найти в творчестве известной русской писательницы прошлого века «Кладбища вообще должны быть уничтожены как рассадник эпидемий». Авторы разные, но музыка звучит одна.

К счастью, не все так думали и чувствовали

«Ты знаешь, Алёша, а все-таки Родина
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены
С простыми крестами их русских могил».

Каждое слово этого четверостишия пронизано благоговением перед святыней. Именно святыней почитал народ место последнего покоя. Благоговение перед святыней русский философ Вл.Соловьев относил к качествам личности нравственной.

«Крепнет безбожная Россия».

Новый быт утверждался на руинах старого. Наряду с верой в графу «наследие проклятого царизма» попала и народная культура. Каким образом разрушалось то, что мы сегодня пытаемся обрести из небытия?

«Семь лет борьбы с богами».

«6 февраля 1925 года исполнилось семь лет, как власть трудящихся своим декретом об отделении церкви от государства объявила официальную борьбу с Богом...Советская власть отобрала от монастырей и церквей огромные богатства...»

Покойная ныне журналист Н.Гареева писала об этом достоянии «...оно не принесло богатства государству. Да и как могло принести, если старинные иконы считались... в кубометрах, а книги – в килограммах».

Вот установки «ненавязчиво» предлагаемые читателю. Чего стоят одни заглавия: «Церковь – враг трудящихся», «Растут кружки безбожников. Крепнет безбожная Россия».

1925 год. «Северянин» от 13 января, стр.3 «За новую Россию»

«Деревня все больше освобождается от поповского дурмана», - пишет селькор Гонимый из Шеркал, Берёзовского района, - «тем, что к седьмой годовщине Октября отдали под школу новое каменное церковное здание».

А Северный Мужик, тоже из Шеркал, добавляет... «нельзя ли нам колокола продать и на них начать постройку электростанции или купить обществом сельскохозяйственные орудия?». Тоже дело, ребята.

Да, начать, конечно, можно. Удастся ли кончить... В 1992 году, спустя почти семьдесят лет, довелось мне быть в Шеркалах. Из хорошей церкви сделали плохой клуб. В алтаре стояла изрядно потрепанная ударная установка. Не было уже колоколов, но еще не было и электростанции...

11 номер, стр.3 «Долой часовню»

«У нас нет ни школы, ни избы-читальни. Зато часовня, вон, зря стоит. Ребята комсомол организовали, а клуба нет. Теперь наша задача Долой часовню, да здравствует клуб!»

59 номер, стр.3 «Просветились»

«В феврале инспектор школ Протопопов сделал доклад о происхождении религии. После доклада...одна крестьянка сняла иконы, сожгла их в печке и повесила плакаты «Долой неграмотность».

Заметим, что подобных крестьянок было немало. Из 80 миллионов икон, имеющих художественную и историческую ценность, не менее 20 миллионов погибло в огне.

Однако, впечатление, что новый быт всюду «приживался» легко, будет обманчивым.

«Родители мешают», - сетует корреспондент из села Нора. «Ребята-школьники воспитываются в антирелигиозном духе. Не хотят больше попов слушать. Только родители мешают, силой посылают в церковь ходить. Так, в праздник Михаила Архангела многие ребята в школу не пришли – в церкви были. Учитель ведет с учениками беседы, доказывая, что Бога нет. Родители и на учителя зуб грызут».

«Не должно быть вот таких явлений», - пишет селькор из деревни Бесовой Тобольского района.

«Крестьянин Третьяков устроил своему новорожденному сыну октябрины... Прошло две недели, Третьяков забыл обещание, данное им советскому государству и у Захарьевского попа сына окрестил. Подобные истории происходят и в других местах. Это, безусловно, ненормальное, отрицательное явление».

В другой заметке читаем: «Надо усилить антирелигиозную пропаганду там, где возможны такие явления, как крещение и октябрины враз».

Где же те октябрины, где считавшаяся непоколебимой власть безбожников?

«Видех нечестивого, превозносящася и высящася яко кедры ливанские: И мимоидох, и се не бе, и взысках его, и не обрящется место его». - Пс.

В других местах, похоже, «октябрили» и «звездили» без помех.

Чтоб вековой раскрыть обман

Кричим: религия – дурман.

«Гертруд», - так назвал своего сына беспартийный крестьянин Козлов, устроивший октябрины. Ячейка РЛКСМ взяла культурное шефство над новорожденным. На октябринах присутствовали даже семидесятилетние старики».

Давно уже нет тех стариков. Интересно, а жив ли сам носитель экзотического имени? И как аббревиатура расшифровывалась: то ли героический труд, то ли герой труда. Во всяком случае, подобное имя ко многому обязывало.

Ревы и Люции, Пролетарии, Тракторы, Днепрогесы...

«Пусть поймут отец и мать

Что с прозванием этим

Век придется вековать

Злополучным детям»

Наступал новый быт и на праздники. Недавно по ТВ прошла информация, что была репрессирована даже... ёлка. Дерево пострадало за связь с Рождеством. Перерыв длился до тех пор, пока «мудрецы» не догадались заменить название ёлки – с Рождественской на Новогоднюю.

№ 13 стр.3

«Обдорские ребята безбожники».

«Ночь под Рождество. Старухи за стряпню да за молитву, а молодежь в Нардом. Сперва спектакль поставили с антирелигиозными пьесами, потом концертное отделение и танцы.

«Оттапывали до 3 часов. На выходе из нардома поп ударил в колокол, но народ уже «отмолился» и по домам расходился. Понемногу просачивается новый быт в нашем крае. Обзаводимся и мы безбожниками».

№ 16 стр. 3 «Долой веру в Бога»

На Божьем фронте. Письма селькоров из Реполово.

«Безбожник» вместо Рождества.

6 января в Реполовом устроили вечер «Безбожника». Собралось около ста человек. Это была первая попытка постановки антирелигиозного вечера, и оказалась очень удачной».

В 1991 году были мы в обезлюдевшем Реполово. Ни церкви, ни театра...

«Лешие» сражались с христианством. Народная культура была отдана на растерзание «крокодилам».

«Вечерки мы поборолі».

«За все время организации комсомола было только две вечерки, и те прошли вяло. Скоро совсем их не будет. Вечерки с их дурацкими обычаями мы поборолі. Поборолі работой комсомола». КРОКОДИЛ

И, наконец, главное дело 1925 года. Кампания по закрытию Абалакского монастыря. Для этого хитромудрые власти сфабриковали «уголовное дело по растлению Саши Долгушиной». О Саше известно, что она пришла к стенам монастыря в восьмилетнем возрасте, в голодном 1921 году. Родители у Саши были, но редко вспоминали страдавшего слабоумием ребенка. На показаниях этой девочки, а ей в 1925 году исполнилось 12 лет, и было построено все «дело». Блюстителей закона не смутило и то, что главному обвиняемому в растлении, игумену Пахомию, исполнилось уже 82 года.

Из номера в номер нагнетает газета истерию, поливая грязью безответную монашескую братию. Дело длится долго и вот, наконец, «самый гуманный суд в мире». Зачитывается заключение экспертной комиссии, которая «нашла, что Долгушина неразвита умственно потому, что неразвита и физически по своему возрасту...». Далее экспертиза констатирует, что «растления Долгушиной не было».

Даже современный, привыкший к всяческому беспределу читатель ожидает, что власти принесут извинения. Не тут-то было! При чем закон, при чем совесть, когда есть «заказ», который необходимо выполнить?

Речь общественного обвинителя тов. С.Володарского: «Монастырь воспитал для социалистического общества людей, которые к дальнейшему умственному и физическому развитию не способны». (Вот, кажется, сейчас обвинитель скажет, что на показаниях этих умственно недоразвитых людей сфабриковано в нарушение закона, уголовное дело). Но нет, обвинитель выступает не от лица закона, а от лица господствующей идеологии. «Абалакский монастырь – язва на здоровом теле СССР, эту язву надо вырвать с корнем». «Язву» вырвали, монастырь закрыли. Узнав об этом, окрестные крестьяне говорили: «Закатилась звездочка...»

И вот суд пролетарского государства, которое «не вмешивается во внутренние дела церкви и монастырей», выносит приговор: о.Пахомия оправдать, Трифонову до 2 лет без строгой изоляции, Ситкину – до 4 лет без строгой изоляции.

Приговор можно считать оправдательным. Но не надо забывать, что на дворе был уже не 1918 год, но еще и не 1937-й.

Заканчивая записки, вновь и вновь задаю себе вопрос: кому и зачем все это было нужно? И не нахожу ответа...